

Ли Синьмэй

ОСМЫСЛЕНИЕ КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ В ПОЭЗИИ РУССКИХ ПОЭТОВ-ЭМИГРАНТОВ В КИТАЕ¹

Аннотация: В китайской мифологии представлен широкий спектр мифов, легенд, сказаний, религиозных преданий и мистических рассказов. Немало из русских поэтов-эмигрантов в Китае включали в свое творчество образы, персонажей и мотивы из китайской мифологии. В данной статье рассматривается осмысление китайской мифологии на примере стихов русских поэтов-эмигрантов XX века, таких как Валерий Перелешин, Михаил Щербачков, Всеволод Иванов, Мария Коростовец, Николай Светлов, Александра Паркау, Михаил Спургот, Виктория Янковская, Тамара Андреева и др.

Ключевые слова: китайская мифология, осмысление, русские поэты-эмигранты в Китае

Автор: ЛИ Синьмэй 李新梅, доктор филологических наук, доцент, Институт иностранных языков и литератур, Фуданьский университет (220, ул. Ханьдань, район Янпу, Шанхай, КНР, 200433). E-mail: lixinmei@fudna.edu.cn.

Li Xinmei

The Interpretation of Chinese Mythology in the Poetry of Russian Emigrant Poets in China

Abstract: Chinese mythology, in a broad sense, refers to the system of Chinese myths, legends, folktales, religious traditions, and mystical narratives. Many Russian émigrant poets in China incorporated images, characters, and motifs from

¹ Статья публикуется в составе избранных материалов XXVI Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» (Москва, ИКСА РАН, 4–5 июня 2025 г.).

Chinese mythology into their works. This article examines the interpretation of Chinese mythology through the poetry of Russian emigrant poets of the XX century, such as Valery Pereleshin, Mikhail Shcherbakov, Vsevolod Ivanov, Maria Korostovets, Nikolai Svetlov, Alexandra Parkau, Mikhail Spurgot, Viktoria Yanovskaya, Tamara Andreeva.

Keywords: Chinese mythology, interpretation, Russian emigrant poets in China

Author: LI Xinmei 李新梅, Ph.D. (Literature), Associate Professor, College of Foreign Languages and Literatures, Fudan University (220, Handan Road, District Yanpu, Shanghai, PRC, 200433). E-mail: lixinmei@fudan.edu.cn

Китай на протяжении более чем пятидесятилетней истории породил оригинальную мифологию, которая в глазах других народов исполнена очарования и тайны. В широком смысле, китайская мифология – это сложный комплекс мифов, легенд, сказаний, религиозных преданий и мистических рассказов, характерных для китайской культуры. В ней через космогонию и космологию, представления о богах и мироздании, образы героев и мифических существ и т.д. находят отражение различные аспекты жизни и культуры китайского общества.

Русские поэты-эмигранты, оказавшиеся в Китае после Октябрьской революции и прожившие в стране длительное время, хорошо знали китайскую культуру, и многие поэты использовали в поэтическом творчестве образы, персонажей и мотивы из китайской мифологии. Часто упоминаются мифические животные, мифические растения, мифы о праздниках и религиозные мифы.

1. Мифические животные в поэзии русских эмигрантов в Китае

Мифические животные являются важной частью китайской мифологии, сочетая в себе поклонение природе, тотемические верования, философские идеи и народные предания. Среди них наиболее представительными образами считаются четыре мифических животных: дракон 龙, феникс 凤凰, цилинь 麒麟 и тигр 老虎. В творчестве русских поэтов-эмигрантов чаще всего встречаются именно дракон и феникс.

Дракон в китайской мифологии – древнейшее и могущественное существо, способное перемещаться по земле, воде и небу, повелевать

ветром и дождем. Одним словом, ему подвластно всё. В китайской мифологической системе поклонение дракону обычно развивалось по двум направлениям:

1) Связь с императорской властью. Дракон стал символом императора и знати, поэтому императоры часто называли себя «истинными сыновьями дракона» 真龙天子, носили одежды с драконьими узорами, головные уборы с изображением дракона и украшали дворцы драконьими мотивами.

2) Слияние с буддийскими мифами о нагах. Дракон как повелитель водных стихий управляет всеми водными существами и отвечает за дожди и облака, поэтому по всему Китаю строили храмы в честь драконов-правителей 龙王庙. В случае засухи люди молились в этих храмах, прося о дожде [朱大可2021: 279–281]. Танец дракона 舞龙 изначально был ритуалом поклонения предкам и мольбы о дожде, но со временем превратился в популярное праздничное представление [王新禧2009: 260].

Русский поэт-эмигрант Всеволод Никанорович Иванов, проживший 25 лет (1920–1945) в Китае, посвятил свое стихотворение «Дракон» [Крейд, Бакич 2011: 211] (1930) китайской мифологии о драконе.

Фонарь из пузыря. Он тянут белой грушей,
Лениво-матовой, как будто жемчуга.
Над ним же приподнял коричнево рога
Дракон, извившийся своею узкой тушей.
Смотри на формы те, замолкни и послушай:
«Давно, давно, когда лишь берега
В потопе поднялись и залегла в лога
Вода, что сброшена вновь проявленной сушей, –
Тогда суставами поверстаны деревья,
Туманы над землей, а на животных перья,
И жизнь на островах среди безбрежных рек.
Тогда летали те грозящие драконы,
И знал китаец их на облаках огромных –
От дивных дней последний человек.

Стихотворение начинается со сцены традиционного китайского танца дракона. Лирический герой, наблюдая, как гигантский дракон меняет свои формы в руках танцоров, переходит к повествованию о китайских

легендах. В его изложении появление дракона связано с потопом мифических времен. Это древнейшее существо, возникшее в момент зарождения жизни после катастрофы, обладая безграничной мощью, способно летать по небу, а его облик внушает ужас. Однако единственный выживший после великого потопа человек знал его. Очевидно, в глазах Всеволода Иванова, дракон – не просто водный дух и символ монаршей власти, каким его знает китайская традиция, но и носитель злого начала и существо, несущее угрозу человечеству.

В китайской мифологии птица феникс часто упоминается вместе с драконом, образуя гармонию *инь* (феникс) и *ян* (дракон). Согласно преданию, изначально феникс был обычной птицей, но благодаря трудолюбию и накоплению добродетелей, а также самопожертвованию во время голода (когда он спас других птиц, пожертвовав собой), Небесный Император 天帝 даровал ему титул «Царя всех птиц» 百鸟之王. В день его рождения (9-й день первого лунного месяца) все птицы слетаются, чтобы воздать ему почести, создавая величественную картину «Сто птиц поклоняются Фениксу» 百鸟朝凤. Это стало метафорой того, как мудрец завоевывает народную любовь, а добродетель привлекает последователей. Феникс также символизирует супружеское счастье. Например: «Союз Дракона и Феникса» 龙凤配 обозначает брак императора и императрицы. В народных свадебных традициях изображения феникса означают гармонию между супругами.

В стихотворении «Феникс» [Крейд, Бакич 2001: 255–256] (1946) русская поэтесса-эмигрантка Мария Кростовец в образе священной птицы феникса воплощает императрицу Цыси. Лирическая героиня – маленькая девочка, ничем не отличающаяся от обычных девочек. Однажды, сидя на речной пристани, она грезит о путешествиях в далекие края. В момент, когда она закрывает глаза, происходит чудо: из солнца вылетает птица, «осиянна, радужна, крылата», полностью поглощая девочку

Рис. 1.

Всеволод Никанорович Иванов
(1888–1971)

Рис.2.
Мария Павловна Коростовец
(1899–1975)

своим сиянием. А много лет спустя эта самая девочка «в историю вступила» как могущественная императрица.

Хорошо сидеть, обняв колени,
На причале у реки любимой
И следить, следить, как в грязной пене
Щепки по воде несутся мимо.

Мимо, вдаль, куда-то – неизвестно.
К новым городам, в жару или стужу,
И она, покинув это место,
Уплывет на лодке вместе с мужем.

А теперь смыкаются ресницы
От объятий алого заката.
Что? Из солнца вылетает птица,
Осиянна, радужна, крылата.

Будто птицы с материнских чашек!
Ближе. Ослепительно сверкнула
Яркой молнией цветных стекляшек
Девочка в том блеске потонула.

А потом от всех блюла ревниво
Тайну лучезарного виденья
Птицы царственной под сенью ивы.
Протекли года с того мгновенья –

Девочке правления кормило
Рок вручил, отметив: пронеси!
И она в историю вступила
С августейшим именем Цы Си.

Очевидно, поэзия вплетает в себя политическую символику китайского мифа о Фениксе, где императрица Цыси уподобляется священной птице, а ее восхождение на историческую сцену представлено как мифическое предначертание судьбы. Сквозь строки также явственно ощу-

щается, что поэтесса испытывает к императрице Цыси не просто восхищение, но почти религиозное преклонение. Не случайно она наделяет ее «августейшим именем», традиционным для римских императриц, возводя в ранг сакральной правительницы.

2. Мифические растения в поэзии русских эмигрантов в Китае

Мифические растения являются важной частью китайской мифологии, объединяющей культ природы и народные верования. Типично символические и легендарные образы растений в китайской мифологии включают: *фусан* 扶桑, персик *паньтао* 蟠桃, лавр лунный 月桂, гриб *линчжи* 灵芝, горлянка 葫芦, древо бодхи 菩提树, бамбук 竹子, женьшень 人參, сросшиеся ветви 连理枝, лотос 莲花, нарцисс 水仙 и др. В русской эмигрантской поэзии Китая наиболее часто встречаются китайские мифологические растения – лотос и женьшень.

Лотос в китайской мифологии окружен богатейшей символикой, пронизывающей даосизм, буддизм и конфуцианство. В даосской мифологии лотос олицетворяет бессмертие и духовное совершенствование. Например, Тайи Цзюку Тяньцзунь 太乙救苦天尊 – даосское божество, спасающее страдающих и проводящее души в загробный мир, – изображается держащим лотос и восседающим на цветке лотоса, что символизирует очищение и спасение. В буддийской традиции лотос символизирует чистоту и просветление. Такие божества, как Ами табха 阿弥陀佛 и Гуаньинь 观音, часто изображаются стоящими или сидящими на лотовом троне, что олицетворяет их связь с Чистой Землей. В конфуцианстве лотос оказывается образом благородного человека, потому что прямой стебель и незапятнанная чистота лотоса отвечает конфуцианским идеалам честности и духовного благородства. Таким образом, лотос в китайской культуре – это универсальный символ святости, мудрости и нравственной чистоты, объединяющий три главных учения.

В стихотворении «Последний лотос» [Крейд, Бакич 2001: 399–400] (1943) Валерий Перелешин использует образ лотоса как символ непоколебимой духовной чистоты и стойкости, отражающий внутренний мир русских изгнанников, которые сохраняют достоинство вопреки тяготам эмиграции.

Рис. 3.
Валерий Францевич Перелешин
(1913–1992)

В начале сентября.
От зноя отдыхая,
Вечерняя заря
Горит в садах Бэйхая.

Прозрачны и чисты
Сиреневые дали.
Надменные цветы,
Цветы уже увяли.
Торжественная тишь
Над мертвыми стеблями.
Последний лотос лишь
Один воздет, как знамя.

Стой. И не бойся ран.
Стой, гордый и отвесный,
Как древний великан,
Держащий круг небесный!

Так некогда и мы –
Но побеждали зимы,
И на ветру зимы
Мы таяли, как дымы.

Мы были, как орлы,
И в синеву любили
Бежать от сонной мглы,
От пешеходной пыли.

Быстрее южных льдин
Проголубели годы,
И я стою один,
Последний бард свободы.

Стихотворение мастерски использует технику классической китайской поэзии, где чувства выражаются через пейзажные образы. Первые две строфы – описание природы: в сентябре в парке Бэйхай 北海 увядающий лотос передает мотив угасания: «Надменные цветы, / Цветы уже

увяли». Но в третьей строфе уже чувствуется намек на стойкость: «Над мертвыми стеблями. / Последний лотос лишь / Один воздет, как знамя». Четвертая-седьмая строфы смещают фокус на русских эмигрантов, которые, подобно лотосу, стоят гордые и нестигаемые. Перелешин, глубоко усвоивший китайскую мифопоэтику, переплавляет ее в метафору эмигрантской судьбы. Лотос становится двойным символом: в китайском контексте – воплощение конфуцианской стойкости и даосской непривязанности; в русском изгнании – знак верности себе даже в «грязи» исторических катаклизмов.

Женьшень в поэзии русских эмигрантов Китая стал важным мифопоэтическим образом, вобравшим в себя китайские верования о бессмертии и сакральной силе природы. Благодаря своим целебным свойствам женьшень в китайской традиции прочно связан с идеей «продления жизни». Даосские алхимики 方士 считали его одним из «трех сокровищ бессмертия» 长生三宝 наряду с персиками бессмертия *паньтао* 蟠桃 и грибом *линчжи* 灵芝. Согласно поверьям, тысячелетний женьшень мог оборачиваться человеком: чаще всего в виде «ребенка-женьшеня» 人参娃娃, «девушки-женьшеня» 人参姑娘 или «седого старца» 人参老汉 [朱大可2021: 313–314]. В практике фэншуй 风水 женьшень называется «духом земли» 地精, растущим только в местах скопления драконьих жил 龙脉. Так что при добыче соблюдаются ритуалы: обвязывают корень красной нитью, чтобы «связать» его душу, и читают заклинания – иначе он мог «убежать» под землю.

В стихотворении «Женьшень» [Крейд, Бакич 2001: 348] (1923) Михаил Щербаков описывает ритуал поиска и добычи легендарного корня в горах Даляншань 大凉山 (в стихотворении – Да-Дянь-Шань):

Того, кто волей тверд и помыслами чист,
Проводят гении лесистым Да-Дянь-Шанем

Рис. 4.

Михаил Васильевич Щербаков
(1890–1956)

В извилистую падь, к затерянным полянам,
Сокрывшим зонт цветов и пятипалый лист.

Сложив шалаш, постись! Из недр росток женьшеня
Сбирает старику любовные томленья
И смертному двоит даренный Небом срок.
А в мгlistый час Быка, созвездиям покорен,
С молитвой праотцам бери олений рог,
И рой таинственный, подобный людям, корень.

Стихотворение Щербакова ярко свидетельствует, что поэт не только проник в китайские предания о местах произрастания женьшеня («В извилистую падь, к затерянным полянам, / Сокрывшим зонт цветов и пятипалый лист»), но и восславил его силу продления жизни («Сбирает старику любовные томленья / И смертному двоит даренный Небом срок»), запечатлел обряды сбора («в мгlistый час Быка, созвездиям покорен, / С молитвой праотцам бери олений рог»), а также отметил удивительное сходство корня с человеческим обликом («И рой таинственный, подобный людям, корень»).

3. Мифы о праздниках в поэзии русских эмигрантов в Китае

За каждым традиционным китайским праздником, таким как Праздник Весны 春节, Праздник Середины Осени 中秋节 или Праздник Двойной Девятки 重阳节, скрываются мифы. Чаще всего в стихах русских эмигрантов упоминается именно Праздник Весны. Поэты красочно описывали, как в Китае отмечают Новый год: наряды, угощения, развлечения, ритуалы и торжественные мероприятия.

Например, Николай Светлов в своем стихотворении «Китайский Новый год» (1929) ярко описал традиции провожать старый год и встречать новый: бой барабанов и гонгов, взрывы петард, праздничные возлияния. Поэт особенно выделил обычай запуска петард в новогоднюю ночь, мастерски используя звукоподражание «Бум-бум-бум!... Бум-бум-бум!» «Трах! Трах-трах!... Трах!... Трах!... Трах-трах!», которые живо передают шум праздничных взрывов хлопушек. В стихотворении также раскрывается символический смысл этого обычая – изгнание злых духов и привлечение удачи.

Ночь морозная, крутая...
Завтра – Новый год Китая!
Трррам-там-там!.. Таррам-там-там! –
Раздается здесь и там.
Это лихо в барабаны
От вина и шума пьяный
Бьет китайский весь народ,
Провожая старый год.
Звуки скрипок, труб и гонга
Отбивают такты звонко,
И растет, растет экстаз,
Увлекая в дикий пляс.
В небе, точно громы пушек,
Сотни рвущихся хлопшек,
Трах!., тах-тах!.. Тах!.. Тах!.. Тах-тах!
Так что звон идет в ушах...
Это духов злых и вредных
От своих фанзёшек бедных
Гонит прочь китайский люд,
Чтобы в доме был уют,
Чтобы светлых духов сила
Торговать им пособила,
Чтобы всем чертям назло
Им во всем бы повезло.
И, живя в столь сладких грезях,
Ходят все в блаженных позах,
Говоря (как на Руси!)
Встречным всем: «Синь-нянь! Синь-си!»
[Крейд, Бакич 2001: 469–470]

Рис. 5.
Николай Федорович Светлов
(1908 – начало 1970-х годов)

Николай Светлов правильно интерпретирует обычай запуска хлопшек на китайский Новый год в своей поэзии, потому что происхождение праздника Китайского Нового года 过年 тесно связано с мифом о чудовище Нянь 年 (букв. «год»). Согласно легенде, Нянь – это злобное чудовище с рогами на голове и устрашающей внешностью, жестокое и сви-

Рис. 6.
Александра Петровна Паркау
(Нилус) (1887–1954)

репое. Каждый канун Нового года оно выходило, чтобы пожирать скот и убивать людей. Позже люди обнаружили, что Нянь боится красного цвета, огня и громких звуков. С тех пор каждый год в канун праздника семьи стали наклеивать красные парные надписи, запускать хлопушки, развешивать красные фонари, чтобы отпугнуть чудовище, и даже бодрствовать всю ночь (*шоу суй* 守岁), чтобы защититься от Нянь. Так и сформировались традиции Праздника Весны [王新禧2009: 252].

Поэтесса Александра Паркау также описала сцену празднования китайского Нового года в своем стихотворении «Лунный Новый год» [Крейд, Бакич 2001: 89] (1931).

В синих плосках клейкие пельмени,
Убраны дракончиками нары,
И цветы, и звери в пестрой смене
Женских курм расцветчивают чары.
Добрым людям взрывы не опасны,
Их боятся только злые духи,
Шепчут глухо быстро и бесстрашно
Заклинанья древние старухи.

И, покончив с традиционной встречей,
Объятые праздничным туманом,
Коротают новогодний вечер
И хозяева и гости за маджаном.

Это стихотворение более детально описывает бытовые традиции китайского народа во время празднования Нового года. Помимо запуска хлопушек для изгнания злых духов, люди готовятся к этому самому важному празднику и совершают другие ритуалы: генеральная уборка, укра-

шение дома, шитье новой одежды, приготовление шариков из клейкого риса (*таньюань* 汤圆) или пельменей, а также ночная игра в маджонг 打麻将 в канун Нового года. Из стихотворения видно, что поэтессе очень понравился китайский способ встречи Нового года – она считает, что эти традиции наполнены культурным смыслом и хранят в себе сакральную значимость.

4. Религиозные мифы в поэзии русских эмигрантов в Китае

Одним из ключевых истоков китайской мифологии стали синкретические верования, объединившие буддизм и даосизм.

Буддизм, происходивший из Индии, существует как неотъемлемая часть китайской культуры уже две тысячи лет, приобретя самобытные черты. Его таинственность и глубокая символика манили русских писателей-эмигрантов в Китае, но каждый из них интерпретировал буддийские мифы по-своему, и через их тексты явственно проступает различие в восприятии этой традиции.

Центральным образом буддийской мифологии является Будда. Для верующих он представляет собой святого, полностью постигшего истины мироздания и освободившегося от круговорота перерождений. Традиционно Будда изображается: в позе медитации под деревом Бодхи (символ места просветления), со скрещенными руками (знак глубокого созерцания), с правой рукой, касающейся земли (жест победы над демоническими искушениями), с мудрой проповеди (жест разъяснения Дхармы). Учение Будды сосредоточено на освобождении от страданий.

В восприятии русских эмигрантских поэтов Будда зачастую представлялся как богоподобное существо. Яркий пример – стихотворение Янковской «Будда и я» [Крейд, Бакич 2001: 617–618] (1932), где буддизм изображен как православие, а Будда – как Бог:

На пляже песчаном и нежном
Беседуем с Буддой одни,
Следя, как меняют одежды
Горячие летние дни.
Он тихо спросил о желаньях –
Он каменный, вечно немой.

Рис. 7.
Виктория Юрьевна Янковская
(1909–1996)

И с грустью, услышав молчанье,
Задумался надо мной.
Но я прочитала в ответе:
Не думай о них никогда,
Дано больше многих поэту –
Все прочее суета!

На песчаном пляже лирическая героиня одиноко беседует с каменным Буддой. Ей кажется, что этот вечно безмолвный идол не только слышит людские молитвы, но и способен их исполнять. Слова здесь излишни – в медитативном созерцании происходит обмен: она внемлет откровению Будды: «Не думай о них (желаниях) никогда, / Дано больше многих поэту – / Все прочее суета!» Вряд ли Янковская, не знавшая кит-

тайского языка, проникала в буддийское учение или верила в Будду. Скорее, она создала собственный образ, где восточное божество стало проекцией христианского Бога, молчаливым исповедником ее душевных мук.

Иным поэтам русской эмиграции буддийские образы виделись тревожной мистикой – чуждой, экзотической и страшной. В их глазах это была не вера, а набор языческих суеверий. Как в стихотворении Тамары Андреевой «Ми-син» [Крейд, Бакич 2001: 63] (1932), где Будда предстает отвратительным уродливым стариком:

По вечерам, средь запаха растений,
Обрюзгший бог, скрестивши ноги, спит.
Он очень стар. Отяжелел от лени,
Раскормленный, как годовалый кит.
Пока он спит, медлительные бонзы
Сжигают свечи, ударяют в гонг.
Но замер он, весь вылитый из бронзы,
Под медленно струящийся дифтонг.
Он слушает несущий звуки вечер
Отвисшим ухом с золотым кольцом...
Рокочет барабан. Треща, пылают свечи
Пред сонно улыбнувшимся лицом.

Судя по описанию Будды у Андреевой, речь идет о смеющемся Будде – одном из самых узнаваемых образов в буддийской мифологии. Канонический смеющийся Будда изображается полным, с обнаженным животом и безмятежной улыбкой, олицетворяя не только процветание, но и философию удовлетворенности, терпимости и радости [王新禧 2009: 187]. Андреева, описавшая Будду Смеха как сонного толстяка с золотым кольцом, совершает двойную ошибку: принимает сакральную символику за человеческие слабости и путает буддийскую созерцательность с языческой праздностью. Ее критика «буддийского суеверия» на самом деле – проекция европейского неприятия восточного мистицизма.

Некоторые поэты и писатели среди русских эмигрантов в Китае в совершенстве владели китайским языком и глубоко понимали китайскую культуру. Они не только понимали суть буддийского учения, но и внутренне принимали его философию. Яркий пример – стихотворение Перелешина «Хусиньтин» 湖心亭 (1951) [Крейд, Бакич 2001: 405–406], где звучит мечтание о буддийской Чистой земле:

Глядит в озерную равнину
Равнина большая вверху.
Мы подплываем к Хусиньтину,
Где сердце озера Сиху.

Горячий ветер неприятен,
Нет тени от сквозной листвы.
И веет сухостью от пятен
Слегка желтеющей травы.

Заходим в храм пустой и скромный,
Чтоб с тишиною помолчать.
Здесь даже полдень неумный
Бессилен сумерки прогнать.

Сюда, приветливо взирая,
Вся золоченая, Гуаньинь
Сошла для нас от кущей рая
И строгой мудрости пустынь.

Ах, эти лотосы не вянут,
Листва не падает под дождь,
Святые эти не устанут
Сидеть в тени сосновых рощ.

В полдень лирический герой случайно заходит в скромный храм посреди Западного озера. Увидев внутри статую Гуаньинь и лотосы, он переживает духовное преображение. Ведь Гуаньинь – символ вселенского сострадания, а лотосы – воплощение чистоты, пробивающейся сквозь мирскую грязь. Покинув храм, лирический герой обретает способность видеть мир через призму доброты.

Еще одной часто мифологизируемой религией Китая является даосизм. Как коренная религия Китая, он зародился из древнего культа духов, философии Хуан-Лао 黄老道 и практик бессмертия 仙术. Священным понятием здесь выступает Дао – бесформенная первооснова, порождающая всё сущее. Ключевые принципы: «следование естественности» 道法自然, «Чистота и недеяние» 清静无为, «Единство Неба и человека» 天人合一.

Даосская философия жизни, созвучная идеалам русской эмиграции, нашла отражение в поэзии. Например, стихотворение Василия Перелешина «Картина» [Крейд, Бакич 2001: 389-390] (1941) пронизано даосскими мотивами:

Есть у меня картина: между скал
Простерто небо, всех небес лучистой.
Китайский мастер их нарисовал
Легчайшею и совершенной кистью.

Внизу, в долине, зелень, как ковер,
Стада приходят на призыв свирели.
Так безобидный высказан укор
Всем возлюбившим маленькие цели.

А выше есть тропинка по хребту,
И будет награжден по ней идущий
Вишневыми деревьями в цвету,
Прохладою уединенных кущей.

Здесь мудрецы, сдав сыновьям дела
И замуж внучку младшую пристроив,
Вздыхнут о том, как молодость цвела
Надменной роз и радостней левкоев.

А скалы те, что в небо уперлись,
Обнажены, как варварские пики, –
Немногие полбоят эту высь,
Где только ястребы да камень дикий.

Но там над пропастью взвилась сосна,
Торжественно, спокойно, равнодушно,
И там царит такая тишина,
Что сердце ей доверится послушно.

Лишь только смерть, легка и хороша,
Меня нагонит поступью нескорой,
Я знаю, наяву моя душа
Придет бродить на вычурные горы.

В китайской пейзажной живописи Перелешин узрел даосский идеал бытия – свободного от суеты и мирских желаний. На картине изображается Мудрец, который устроил брак внучки, оставил потомкам суетные заботы о наследстве и ушел в глубины гор, «Но там над пропастью взвилась сосна, / Торжественно, спокойно, равнодушно, / И там царит такая тишина, / Что сердце ей доверится послушно». Эта невыразимая гармония пленяет поэта. Последние строки: «Я знаю, наяву моя душа / Придет бродить на вычурные горы» становятся и гимном даосской мудрости, и тоской по утраченной простоте бытия.

Стихотворение Михаила Спургота «Сижу с китайцами в харчевнях...» [Крейд, Бакич 2001: 517] (1931) через бытовую зарисовку раскрывает глубокое принятие даосской мудрости:

Сижу с китайцами в харчевнях,
Ведя бесед несложных ряд,
И странной радостью напоен
Мой каждый в быт Китая взгляд!

И, жадно впитывая соки
Культуры чуждой мне страны,
Я знаю, что подходят сроки
Тоскою вздыбленной весны!..

Горячий ханшин чуть туманит
Мозг, обожженный жаром слов,
И тихо плавают в тумане
Виденья чудищ и богов.

И сердце вдруг вздымает бурно,
Как от тайфуна иль грозы,
Один лишь мысли всплеск лазурный
Из мудрых песен Лао-цзы!

В обыденной жизни китайских простолюдинов русский эмигрант обнаруживает подлинное воплощение даосского идеала. Для него нетопливые беседы за чаем – это и есть «недеяние в действии», и в плеске чайных чашек слышится «песня Лао-цзы» – мудрость.

Заключение

Из произведений русских поэтов-эмигрантов, посвященных китайским мифам, видно, что для русской диаспоры Китай был загадочной страной, а китайская культура заключала в себе множество необычных и причудливых явлений. Эти явления вызывали у них как любопытство, так и недоумение. Трактовка китайских мифов русскими эмигрантами обладает особой индивидуальностью. В отличие от обычных иностранцев, русские эмигранты, долгое время проживавшие в Китае и глубоко воспринявшие ее культуру, подходили к описанию более объективно. В то же время их интерпретации часто были связаны с их изгнаннической судьбой – они использовали персонажей, образы и символы китайской мифологии, чтобы выразить свои переживания о жизни на чужбине.

Поэтому их творчество несет на себе отпечаток личного восприятия, а порой даже содержит искажения и предубеждения. Тем не менее, этот «альтернативный взгляд» представляет собой уникальное осмысление китайской культуры. Очевидно, Китай и его культура оставили глубоко-

кий след в творчестве русских эмигрантов, придав их произведениям мистичность и экзотический колорит. Рано или поздно их творчество пробуждало интерес соотечественников к Китаю и его традициям, способствуя распространению древней и богатой китайской цивилизации.

Библиографический список

- Крейд В.П., Бакич О.М.* Русская поэзия Китая: Антология. – М: Время, 2001.
王新禧: 《中国神话》 [*Ван Синьси. Китайская мифология*]. – 西安: 陕西人民出版社, 2009年.
朱大可: 《中国神话密码》 [*Чжу Дакэ. Код китайской мифологии*]. – 成都: 四川文艺出版社, 2021年.

References

- Krejd V.P, Bakich O.M. (2001). Russkaya poeziya Kitaya: Antologiya [Russian Poetry of China: Anthology]. Moscow: Vremya. (In Russian)
王新禧 (2009). 中国神话 [*Wang Xinxi. Chinese Mythology*]. 西安: 陕西人民出版社. (In Chinese)
朱大可 (2021). 中国神话密码 [*Zhu Dake. Chinese Mythology Code*]. 成都: 四川文艺出版社. (In Chinese)